

«ФИЛОСОФ» ИЗ КАНДАЛАКШИ

В записках голландского купца Симона ван Салингена (1591 г.) содержится интересное сообщение: в конце 60-х годов XVI в. он «встретил в Кандалакше Федора Жиденова (Feodor Zidenowa), слывшего за русского философа, который написал историю Карелии и Лапландии, а также осмелился составить письменность для карельского языка, на котором никогда ни один человек не писал. Так, он показывал мне алфавит и рукопись, символ веры и «Отче наш», им самим переведенные... Он поведал мне также, как святые Зосима и Саватий основали Соловецкий монастырь на острове»¹.

¹ «Magazin für die neue Historie und Geographie». Angelegt von D. Anton Friedrich Büsching. T. VII. Halle. 1773, S.343. Русская публикация и комментарий: А. М. Филиппов. Русские в Лапландии в XVI веке. «Литературный вестник». Т. I, кн. 3. 1901. («Сообщение Симона ван Салингена (1591) о земле Лопии...», стр. 297—305); его же. Голландец Салиген в России в XVI веке. «Литературный вестник». Т. IV, кн. 6. 1902, стр. 119—124.

Салинген хорошо знал русское Поморье. В 1566—1588 гг. он занимался здесь торговлей, затем неоднократно бывал в России в качестве датского дипломата. Владея русским языком, он беседовал со многими местными жителями, обстоятельно изучил русский Север. Ему были известны имена кольских дворовладельцев, сборщиков податей, живших в Кандалакше, многих торговцев, он был лично знаком с настоятелем Печенгского монастыря Трифоном.

Сведения, которые мы находим у Салингена, не расходятся с показаниями русских источников. По мнению историков, его записки заслуживают доверия². Нет оснований сомневаться и в том, что «русский философ», встретившийся Салингену в Кандалакше, существовал в действительности.

² «А. В. Тищенко. Его работы. Статья о нем». Пгг. 1916, стр. 30; В. В. Мавродин. Русское полярное мореходство и открытия русских поморов на севере Европы с древнейших времен и до XVI века. «Вопросы истории», 1954, № 8, стр. 101.

Возникает вопрос: кем был этот человек, какая среда породила его и почему он с рукописями, составленными для карелов, находился на Кольском полуострове, а не в Карелии? Аргументированных и равнозначных ответов на эти вопросы в советской исторической литературе нет. В. В. Мавродин считает Федора Жиденова образованным «русским помором»³. В «Очерках истории СССР» «философ» из Кандалакши именуется Федором Чудиновым и рассматривается как «первый известный нам карельский писатель», который составил свою «Историю» на основе «собранных им народных преданий о прошлом родного края»⁴. В. В. Пименов отнес Федора Чудинова к «замечательным представителям передовой общественной мысли того времени, для которых вопросы науки стояли на первом плане... Чудинов с полным основанием может быть назван первым историком Карелии»⁵.

Фамилию «философа» в немецком оригинале можно прочитать по-разному: «Жиденов», «Циденов», «Зиденов», но маловероятно, чтобы она звучала как «Чудинов». Тем более нельзя считать, что «судя по фамилии», как пишут некоторые авторы, он являлся карелом. Записки Салингена содержат и другие опознавательные признаки. Это был человек, хорошо знавший «историю Карелии и Лапландии» и, по-видимому, немалое время проживший в этих краях; «философ», представитель какого-то идейного, скорее всего религиозного, течения; человек большой книжной культуры, так владевший карельским языком, что мог составить для него письменность, заинтересованный в укреплении православия, должен быть, духовный деятель; он каким-то образом был связан с Соловецким монастырем и Кандалакшей.

Внимательное рассмотрение всех данных об этом книжнике, а также наличие точной даты его пребывания в Кандалакше приводят к убеждению, что им был не кто иной, как Феодорит. Основные сведения о

нем содержатся в сочинении князя А. М. Курбского «История о великом князе Московском» (1573 год). А. М. Курбский лично знал Феодорита и рассказал о его жизни и деятельности, «яко сам он поведал» ему. Уроженец Ростова Великого, Феодорит 13 лет отправился на Соловки, где через год был пострижен в монахи. В течение 15 лет он жил в послушании у соловецкого игумена Зосимы, после чего подвизался некоторое время на р. Свири, а затем два года — в Кирилло-Белозерском монастыре.

В середине XVI в. Феодорит переехал в Троице-Сергиев монастырь, где, по словам А. М. Курбского, прожил четыре года и сблизился с одним из идеологов нестяжательства, бывшим митрополитом Иоасафом Белобаевым⁶. В 1551 г. игуменом Троице-Сергиева монастыря стал наиболее радикальный представитель нестяжателей Артемий. По его приглашению сюда переезжает известный мыслитель и публицист Максим Грек, который был сторонником нестяжательства. Единомышленник Артемия Феодорит получает должность архимандрита суздальского Спасо-Евфимиевского монастыря⁷. В январе 1554 г. Артемий был предан суду по обвинению в ереси, отлучен от церкви и послан на «вечное заточение» в Соловецкий монастырь, откуда вскоре бежал в Литву. Феодорит и Иоасаф вызывались по делу Артемия в Москву в качестве свидетелей. Они выступили в его защиту. Однако показания Феодорита опротестовал суздальский епископ Афанасий, который объявил Феодорита «согласником» Артемию в его «ереси»⁸. После процесса Артемия Феодорит подвергся опале, был лишен должности настоятеля Спасо-Евфимиевского монастыря и отослан в Кирилло-Белозерский монастырь.

Приведенные Курбским сведения хронологически неточны: указанные им сроки пребывания Феодорита в разных монастырях не укладываются в рамки исторических событий того времени. Но основные вехи жизненного пути Феодорита согласуются с данными других источников. В 1557 г. Феодорит по поручению Ивана Грозного отправился за грамотой восточных православных патриархов на утверждение царского титула. Он успешно справился с миссией и был щедро вознагражден за это. Царь, по

³ В. В. Мавродин. Указ. соч., стр. 101; его же. Русское и карельское мореходство на севере Европы. «На рубеже» (Петрозаводск), 1956, № 3, стр. 164.

⁴ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Конец XV в.— начало XVII в.». М. 1955, стр. 637.

⁵ В. В. Пименов, Е. М. Эпштейн. Карелия глазами путешественников и исследователей XVIII и XIX веков. Петрозаводск. 1969, стр. 8.

⁶ «Русская историческая библиотека» (РИБ). Т. XXXI. СПб. 1914, стб. 324—329.

⁷ А. А. Зимин. И. С. Пересветов и его современники. М. 1958, стр. 156.

⁸ Там же, стр. 161.

словам Курбского, велел выдать Феодориту «300 сребреников» и собольи одежды, но тот отказался от даров, заявив, что не привык к богатству, а наградой себе считает благословение, которое он получил в Константинополе от патриарха. Когда же Иван IV прислал дары на дом и просил их принять, Феодорит взял себе кожух и 25 сребреников, шубу же и прочее продал, а деньги роздал нищим. Феодорит становится архимандритом вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря.

После бегства в Литву (1564 г.) Курбский не имел точных сведений о Феодорите, но, осуждая Ивана Грозного за опричные репрессии, отнес в число его жертв и Феодорита, назвав последнего «новоизбиенным мучеником». Желая показать, сколь достойного человека «погубил» царь, Курбский подробно рассказывает о подвижнической деятельности Феодорита среди лопарей Кольского полуострова. Будучи соловецким монахом, писал Курбский, Феодорит «разжегся желанием пустынного безмолвного жительства, отходит в далечайшую пустыню, в язык глубоких варваров, лопарей диких...». Поселившись близ устья реки Колы, он прожил среди лопарей «аки 20 лет» и, наконец, склонил их в «веру Христову, понеже уже искусен был языку их»⁹.

По летописным сведениям, крещение лопарей по рекам Коле и Туломе происходило в 1532/33 году¹⁰. Примерно в это же время Феодорит совершил поездку в Новгород, где получил «от богатых некоторых немало сребра» и через два года, вернувшись «ко оной пустыне уже с некоторыми другими... на устью предеченные Колы создает монастырь и в нем поставляет церковь во имя пребезначальные Троицы». Желая укрепить лопарей в «вере Христовой» и приобщить часть их к монашеской жизни, Феодорит «и молитвы некоторые привел им от словенска в их язык». Однако монастырь при устье р. Колы просуществовал недолго. Феодорит ввел для собранных им монахов строгие правила жизни: «Заповедающе... отнюдь не стяжательно житьствовати, сиречь безъименно, своими руками пищу набывающе, яко рече великий апостол: аще кто не делает, да не яст».

Среди монахов вскоре начался ропот, как будто дьявол говорил им: «Како можете без именных жити, своими руками хлеба добывающе?». Дело кончилось тем, что «сложившиеся со дьяволом» монахи взбунтовались, нещадно избили Феодорита и прогнали его, «аки врага некоего». По-видимому, многие из братии Феодорита ушли затем на Печенгу, в монастырь, основанный Трифоном.

Последний всемерно поощрял приток средств в монастырь от приходивших на мурманские рыбные промыслы поморов. К Трифону, по словам Салингена, шло «много народа, рыбаки жертвовали рыбу... благодаря таким дарам построен был большой монастырь»¹¹. Окрестные лопари «от именных своих приношаху серебро и вещи... Инии же земли и озера и реки и к морским угодье воды подаваху, и письменными заветы утверждаху», а Трифон «повелеваше за то подавание живых о здравии, а о усопших о упокоении бога молити и имена их в синодики писати»¹². Печенгский монастырь стал расти. В 1565 г. в нем было, по сообщению Салингена, около 20 монахов и 30 служек. Феодорит же после изгнания его с устья р. Колы обосновался в каком-то «малом монастыре» на Севере, где был игуменом два года, до своего отъезда к царю. Возможно, это был Кандалакшский монастырь, впервые упомянутый в источниках в 7062 (1553/54) году¹³. Д. Н. Островский, занимавшийся историей Печенгского монастыря и хорошо знавший различные труды по истории Лапландии и Беломорья, утверждал, что основателем Кандалакшского монастыря был «Феодорит, просветитель кольских лопарей»¹⁴.

Первая церковь при устье р. Нивы возникла в 1526 году¹⁵. Позднее особой царской грамотой кандалакшской обители «для монастырского строения и для лопского крещенья» были пожалованы окрестные угодья¹⁶. Г. Штаден около 1575 г. писал: Кандалакша — «незащищенный посад с небольшим монастырем; жители кормятся от

¹¹ «Сообщение Симона ван Салингена...», стр. 302—303.

¹² «Житие преподобного Трифона Печенгского, просветителя лопарей». «Православный собеседник, издаваемый при Казанской духовной академии». Ч. II. 1859, стр. 102—103.

¹³ РИБ. Т. II. СПб. 1875, стр. 687.

¹⁴ Д. Н. Островский. Путеводитель по Северу России. СПб. 1898, стр. 78.

¹⁵ ПСРЛ. Т. VI. СПб. 1853, стр. 282.

¹⁶ РИБ. Т. II, стр. 689—690.

⁹ РИБ. Т. XXXI, стб. 330—334, 340—342.

¹⁰ «Полное собрание русских летописей» (ПСРЛ.) Т. XIII, 1-я половина. СПб. 1904, стр. 63; т. XX, 1-я половина. СПб. 1910, стр. 415.

моря вместе с монахами и их слугами»¹⁷. Не исключено, что Феодорит начинал свою проповедническую деятельность среди лопарей именно здесь, у Кандалакши, а потом уже, изучив саамский язык, отправился к Кольскому заливу. Связи Феодорита с Крайним Севером не прерывались и тогда, когда он стал архимандритом вологодского Спасо-Прилуцкого монастыря. Еще во время пребывания Курбского в России («при мне», то есть до 1564 г.) Феодорит дважды ездил на Кольский полуостров, «до дикие Лопи»: один раз летом плыл «морем до Печенги», другой раз зимой «на пруткошественных еленех ездяще по непроходным пустыням, посещающе детей своих духовных, яко мнихов оных, так и лопянов, наученных и крещенных от него... не щадяще ни старости и немощного тела»¹⁸.

С. А. Белокуров, изучая архивы Соловецкого монастыря, обнаружил документ об отдаче жителем Порьей Губы Евсеем Букиным половины своих сенокосов по р. Порьей, юго-восточнее Кандалакши, Печенгскому монастырю, «строителю Феодориту» с братией. «Данная» грамота датирована 1569 годом¹⁹. Этот документ важен для установления личности «русского философа», которого Салинген встретил в Кандалакше. Передача угодий на имя Феодорита неопровержимо свидетельствует о том, что в 7077 (1568/69) г. он был на Кольском полуострове. Приводя некоторые сведения по истории Карелии и Лапландии, Салинген ссылается на рассказы «очень старых людей» — жителей Поморья, в числе которых как наиболее авторитетный знаток прошлого в этом крае указан Федор Жиденов из Кандалакши.

Характерно, что, когда речь зашла о создании Соловецкого монастыря, Жиденов рассказал чужеземцу такие истории, которые тот посчитал за басни. По-видимому, он говорил о всяких «чудесах», которые приписывались основателям монастыря Зосиме и Саватию. Не исключено, что и упоминаемая Салингеном «История Карелии и Лапландии» была не чем иным, как «Житием чудотворцев Соловецких Зосимы и Саватия», в пополнении которого Феодо-

рит, вероятно, принимал какое-то участие. «Житие» действительно содержит немало ценных исторических сведений о Лапландии и Карелии. Третья редакция «Жития» относится к 1548 г. («Списаша сие в лето 7056 при игумене Филиппе»). В ней упомянут и вновь созданный Печенгский монастырь: «Ныне же... устроися монастырь честен. Совокупися многа чета иноческого пребывания... на реке, глаголемой Печеньга, близ моря... молитвами... Зосимы и Саватия»²⁰. Так писать в 1548 г. не могли, поскольку Печенгский монастырь, по всем данным, был построен около 1554 года²¹. Возможно, это — добавление, сделанное позднее.

Деятельность Феодорита на Севере, описанная Курбским, была направлена на распространение православия. Федор Жиденов выступает перед нами не как «карельский писатель», а как проповедник христианства. Он составил карельскую письменность не для того, чтобы внедрить ее в качестве равноправной в гражданское делопроизводство и создать национальную литературу, а для того, чтобы сделать понятными для карелов молитвы и основные положения христианской религии так же, как это делал в XIV в. Стефан Пермский в земле коми. Возникает вопрос: была ли в этом необходимость? Ведь карелы уже несколько веков являлись «христианами».

Историки Карелии отмечают, что карелы «к началу нового времени еще цепко держались за древние языческие верования и обряды»²²; что местное население в XVI в. легко отходило от христианства к языческим верованиям²³. Русская церковь и правительство не хотели допустить этого. В 30-е—40-е годы XVI в. в скандинавских странах утвердилось лютеранство. Московские власти вели решительную борьбу с

²⁰ «Житие и подвизи преподобных отцев наших Зосимы и Саватия Соловецких начальников, новоявленных чудотворцев» (рукописная книга, хранящаяся в Мурманском областном краеведческом музее. Инв. № 308, стр. 234, 91—92).

²¹ Г. Штаден. Указ. соч., стр. 63; «Сборник Русского исторического общества». Т. 129. СПб. 1910, стр. 18.

²² А. С. Жербин. Рецензия на книгу Х. Киркинена. «История СССР», 1972, № 2, стр. 170.

²³ Р. Б. Мюллер. Очерки по истории Карелии XVI—XVII вв. Петрозаводск. 1947, стр. 89; А. И. Никитский. Очерк внутренней истории церкви в Великом Новгороде. СПб. 1879, стр. 16.

¹⁷ Г. Штаден. О Москве Ивана Грозного. Записки немца опричника. Л. 1925, стр. 63.

¹⁸ РИБ. Т. XXXI, стб. 342—343.

¹⁹ А. И. Андреев. К истории русской колонизации западной части Кольского полуострова. «Дела и дни». Кн. I. Пгг. 1920, стр. 29.

«люторской ересь»²⁴ и, конечно, пытались воспрепятствовать проникновению ее в Карелию и Лапландию. При отсутствии четких границ на местности, владения России и ее северо-западных соседей определялись тогда по религиозной принадлежности жителей той или иной территории. Лопари «русской веры», где бы они ни обитали, считались подданными Московского государства. Поэтому насаждение православия рассматривалось и как важная политическая задача. В конце 60-х годов XVI в. в Северном и Западном Поморье сложилась тревожная обстановка. Вступивший в 1568 г. на шведский престол Иоанн III решил присоединить к своим владениям и Карелию. В условиях начавшейся борьбы со Швецией укрепление православия среди карелов имело немалое значение.

После бегства Курбского в Литву Феодорит, видимо, подвергся опале за свою близость к изменнику («понеже исповедник мне был,— говорит Курбский,— и премногу зело любовь ко мне имел; таже и аз к нему многогрешный, по силе своей, любовью и службою простирался») и лишился архимандритства в Спасо-Прилуцком монастыре. Находясь за границей, Курбский получал противоречивые сведения о судьбе Феодорита. Одни лица, которым он доверял больше, говорили ему, будто Феодорит при встрече с царем «аки бы воспомянул нечто» о Курбском, и Грозный повелел за это Феодорита утопить в реке. Другие, «приходящие от оных земли», сообщали, что Феодорит умер «тихою и спокойною смертью... Аз же,— признавался Курбский,— истинне не мог достаточнее выведаться, яко слышах от некоторых, тако и написах, в странстве будучи»²⁵. Достоверно известно, что Феодорит скончался 17 августа 1571 г. и похоронен в Соловецком монастыре, о чем свидетельствует надпись на его могиле²⁶.

Итак, можно предположить, что ранее Феодорит был сослан на жительство в Кандалакшский монастырь, где он как миссионер был полезен правительству, стремившемуся «закрепить за Россией северные области Лапландии»²⁷. Вероятнее всего, Феодорит вернулся в Поморье летом 1567 г.,

когда Иван IV был в Вологде и мог при встрече с Феодоритом разгневаться на этого бывшего друга Курбского. В 1566 г. Салинген, отправившись по торговым делам в Новгород, проезжал через Кандалакшу; но ни словом не обмолвился о Феодорите; хотя, излагая события по порядку, он под 1565 г. перечислил всех домовладельцев в Коле, затем упомянул Василия Алексея и Давыда Конины, «которые были тогда сборщиками податей со всей Лапландии и жили в Кандалакше». В своих записках Салинген подробно рассказал о Трифоне Печенгском, но умолчал о Феодорите. Он ссылается на беседы с Жиденовым из Кандалакши только после весны 1568 г., когда возвращается из Сум и Шуи в Лапландию. Трудно представить себе, чтобы Салинген не заметил в Кандалакше такую крупную фигуру, как Феодорит, если бы тот в 1566 г. там находился. Возможно, Феодорит, будучи уже старым, сам отпросился провести остаток жизни на Соловках, где был пострижен в монахи, а его пребывание в Кандалакше связано с Басаргиным правожом — жесточайшим погромом, учиненным в Северо-Западном Поморье. Известно, что oprичники неоднократно грабили монастыри, и у Феодорита была, естественно, желание оградить Кандалакшский монастырь, видимо, его детище, от разорения. Возвращение Феодорита на Соловки и его смерть там могли быть связаны также с процессом над митрополитом Филиппом Кольчевым²⁸.

Можно считать установленным, что Феодорит в 1569—1571 гг. находился в Поморье. Да и ни один другой житель Кандалакши — местный крестьянин-помор или высококультурный карел — не мог быть известным «русским философом». Феодорит же являлся активным деятелем нестяжательского религиозно-философского течения. По оценке А. И. Андреева, Феодорит представлял «фигуру несомненно крупную в тогдашней жизни», он имел «непосредственные сношения с Грозным»²⁹. И Салинген не без оснований отметил, что его собеседник «слыл русским философом». В том, что Федор Жиденов и Феодорит — одно и то же лицо, нас убеждают и палеографические наблюдения над немецким текстом записок Салингена. В них звук «ё» в русских именах обычно передается дифтонгом «ое». Например: Foedor Iwanowitsch (S. 307—

²⁴ «Сказания князя Курбского». СПб. 1868, стр. 117.

²⁵ Там же, стр. 123.

²⁶ Никодим (Кононов). Преподобный Трифон, Печенгский чудотворец, и его ученики. СПб. 1901, стр. 19.

²⁷ И. У. Будовниц. Монастыри на Руси и борьба с ними крестьян в XIV—XVI веках. М. 1966, стр. 270.

²⁸ Р. Г. Скрынников. Начало oprичнины. Л. 1966, стр. 399, 406—407.

²⁹ А. И. Андреев. Указ. соч., стр. 29.

310), Foedor Borissewitz, Maxim Foedorowitsch (S. 317), Stepan Foedorowitsch Blagoi (S. 308) и т. д., редко — буквой «е»: Boris Fedorowitsch, Irina Fedorowna (S. 316), но никогда дифтонгом «ео», как в имени «русского философа». Следовательно, читать это имя нужно не Фёдор, а Феодор, что, по-видимому, не случайно, а отражает изначальную запись имени Феодорита Салингеном.

Русские источники не сохранили фамилии Феодорита: К тому же фамилии тогда только еще зарождались. Поэтому нельзя определенно сказать, как фамилия Феодорита

должна читаться у Салингена. Наблюдения над употреблением буквы «z» в русских названиях немецкого источника не помогают выяснению ее звучания в слове «Zidenowa». Так, звук «ж» в названии села «Княжая Губа» передан в одном случае «j», в другом — «css».

Установление личности Федора Жиденова и характера его «просветительской деятельности» позволит дать более правильную оценку развития культуры карельского Поморья той эпохи.

И. Ф. Ушаков